

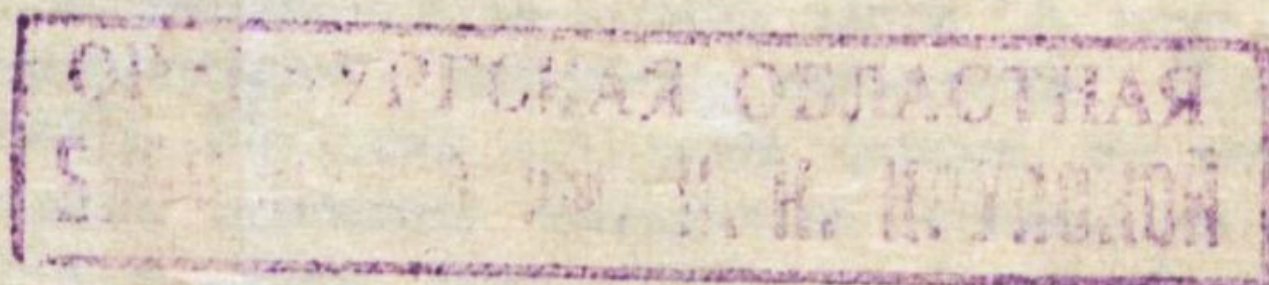
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

8P1/09
0-35
+Op82

Р.В.ОВЧИННИКОВ

ПУШКИН
В РАБОТЕ
НАД АРХИВНЫМИ
ДОКУМЕНТАМИ
(«ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА»)

569951
000
95
87 89

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

11—12 сентября 1833 г. Пушкин провел в селе Языково, близ Симбирска, в имении своего друга поэта Н. М. Языкова и его братьев, П. М. и А. М. Языковых. Самого Н. М. Языкова он здесь не застал, но много беседовал с П. М. Языковым, великолепным знатоком истории Поволжья. От него Пушкин мог узнать подробности о пребывании пленного Пугачева в Симбирске, о публичном допросе, устроенном ему графом П. И. Паниным на городской площади. Поездка в Языково завершилась важным для Пушкина приобретением: из фамильного архива братьев Языковых он получил список сочинения П. И. Рычкова об осаде Оренбурга войсками Пугачева. Впрочем, рукописная хроника Рычкова была уже известна ему по другому списку, доставленному ранее Г. И. Спаским. Когда «История Пугачева» вышла в свет, А. М. Языков в письме к В. Д. Комовскому отметил: «Почти вся 2-я часть доставлена нами»,⁵⁷ имея в виду опубликованную в приложениях к книге «летопись» П. И. Рычкова, которая действительно занимает там наибольшую часть текста.⁵⁸

Путь Пушкина из Симбирска в Оренбург проходил через Самару, куда он мог прибыть в середине сентября 1833 г. Среди «Пушкинских заметок» А. И. Маркевича профессора Новороссийского университета в Одессе, сохранилась запись рассказа А. А. Арцимовича о посещении Пушкиным Самарского архива. Арцимович сообщил Маркевичу, «что он видел в самарских архивах дела, которыми пользовался Пушкин для Истории Пугачевского бунта; причем он не давал себе труда списывать необходимые ему документы или отдельные места в них, а просто вырывал или вырезывал то, что ему было нужно».

близкое к Вальтер Скотту» (Д. В. Давыдов. Сочинения, т. II, СПб., 1895, стр. 186). С Баратынским Пушкин встретился в Казани случайно.

⁵⁷ Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 539.

⁵⁸ В 1940 г. в Гос. историческом архиве Саратовской области была обнаружена рукопись сочинения Рычкова (инв. № 314), принадлежавшая некогда историку Д. Л. Мордовцеву. На титульном листе рукописи имеется помета: «Этой рукописью пользовался Пушкин» (IX, 797). Возможно, это и есть тот самый список хроники Рычкова, который принадлежал Языковым и находился в 1833—1835 гг. у Пушкина.

⁵⁹ Пушкин и его современники, вып. III, стр. 104—105.

Рассказ Арцимовича недостоверен потому, что Самарский архив не имел ни тогда, ни теперь каких-либо архивных дел о Пугачевском движении,⁶⁰ а сохранившиеся в «архивных тетрадах» Пушкина единичные подлинные документы 1773—1774 гг. имеют явно несамарское происхождение.

18 сентября 1833 г. Пушкин приехал в Оренбург, где пробыл не более двух суток. Пребыванию Пушкина в Оренбурге и его занятиям по сбору местных материалов для «Истории Пугачева» посвящена обширная литература.⁶¹

Рассмотрим вопрос о возможности занятий Пушкина в Оренбургском архиве и об использовании документальных материалов этого архива в «Истории Пугачева» и в романе «Капитанская дочка».

В отличие от Нижегородского и Казанского архивов, Оренбургский архив обладал ценнейшим собранием документальных источников о Пугачевском восстании. В архиве Оренбургской пограничной комиссии хранилось 13 огромных книг с документами Оренбургской губернской канцелярии за 1772—1775 гг., отражавшими ход подавления восстания яицких казаков в 1772 г. (кн. № 1) и борьбу с повстанческим движением на территории Оренбургской губернии и смежных уездов соседних губерний с сентября 1773 по май 1775 г. (кн. №№ 2—13).⁶²

Основываясь на свидетельствах Пушкина о том, что им были извлечены из Оренбургского архива протокол до-

⁶⁰ Государственные архивы СССР, стр. 131—133.

⁶¹ См.: Д. Н. Соколов. Пушкин в Оренбурге. «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV. Пгр., 1916, стр. 67—100, 301—304; сб. «Пушкин в Оренбурге». Оренбург, 1937. — Наиболее полная сводка исследовательской, мемуарной, эпистолярной литературы по этой теме дана в статье Н. В. Измайлова «Об архивных материалах Пушкина для „Истории Пугачева“», стр. 447—448.

⁶² ЦГАДА, ф. 1100 (Канцелярия оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа), кн. 1—13. — За год до приезда Пушкина в Оренбург, в сентябре 1832 г., канцелярист Янченко взял шесть «пугачевских» книг из архива Оренбургской Пограничной комиссии (с сентября 1773 по апрель 1774 г.) «для чтения служащим канцелярии оренбургского военного губернатора», о чем и дал соответствующую расписку. Позднее Янченко выехал на службу в Уфу и увез с собой эти книги. По требованию Пограничной комиссии, они были 8 июля 1833 г. возвращены в архив, но без 50 листов, оставшихся у Янченко в Уфе (см.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. I, Л., 1961, стр. 49; «Здесь жил Пушкин», стр. 453).

проса Алексея Кириллова, ясачного крестьянина Оренбургской губернии (IX, 101, 622—623), и журнал Оренбургской губернской канцелярии, или «Журнал Рейнсдорпа» (там же, 512), исследователи утверждали, что Пушкин использовал в «Истории Пугачева» документы Оренбургского архива.⁶³

Наиболее обстоятельно вопрос о работе Пушкина на материалами Оренбургского архива изучил Н. В. Измайлов, который не только пересмотрел всю относящуюся к этому вопросу литературу, но и впервые обратился непосредственно к детальному обследованию архивного фонда Оренбургской губернской канцелярии в ЦГАДА, надеясь отыскать архивные первоисточники, на которые ссылался поэт (протокол допроса А. Кириллова и «Журнал Рейнсдорпа»). Предпринимая эту работу, Н. В. Измайлов исходил из предположения, что «Пушкин мог конспектировать и списать показание Кириллова, как и некоторые другие документы, в те немногие часы 19 и 20 сентября, которые он, вероятно, провел в архиве Пограничной комиссии». На эти (нам полностью неизвестные) документы он обратил внимание, перелистывая толстые «фолианты». Свойственная ему огромная память и быстрота соображения могли помочь мгновенно определять и важность документа, и то, не встречался ли он уже в делах Военной коллегии. Можно думать, что, помимо показания Кириллова, из Оренбургского архива были извлечены «Журнал Симонова» об осаде войсками Пугачева Яицкого города и «Журнал Мясоедова» («Журнал осады города Уфы»).

Н. В. Измайлов отметил в своей статье, что пушкинские «помета „Из Оренбургского архива“ при начале „Журнала Рейнсдорпа“ могла значить только то, что первоначальный черновой текст Пушкин видел в Оренбурге», поскольку беловой экземпляр «Журнала Рейнсдорпа» известен ему по «пугачевским» книгам Военной коллегии. Но в делах Оренбургской губернской канцелярии не залось ни «Журнала Симонова», ни «Журнала Мясоедова» ни допроса Кириллова.⁶⁴

⁶³ П. Г. Софинов. Пушкин — исследователь Пугачевского движения, стр. 44—45; Н. В. Измайлов. Ук. соч., стр. 443—447—454; А. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина, стр. 50.

⁶⁴ Н. В. Измайлов. Ук. соч., там же.

Даже если бы все указанные Н. В. Измайловым документы находились в делах Оренбургского архива, то вряд ли бы Пушкин в немногие часы 19 и 20 сентября 1833 г. накануне отъезда в Уральск мог просмотреть 13 огромных «пугачевских» книг и сделать конспективную запись «Журналов» Рейнсдорпа, Симонова и Мясоедова, которые в «архивных тетрадях» занимают около 60 листов, исписанных с двух сторон,⁶⁵ а в печатном тексте — 38 страниц большого формата (IX, 501—537, 778). Признавая невозможность выполнения столь трудоемкой работы в ограниченный срок, Н. В. Измайлов выдвигает гипотезу о том, что некоторые из «пугачевских» книг Оренбургского архива были вывезены Пушкиным в Болдино и затем в Петербург и возвращены в Оренбург через несколько месяцев — не позже, однако, конца 1834 г., поскольку уже в феврале 1835 г. над этими материалами работал служивший в Оренбурге прапорщик К. А. Бух.⁶⁶ При этом Н. В. Измайлов опирается на свидетельство историка П. Юдина, который на основании каких-то оренбургских преданий утверждал, что «Перовский так увлекся Пушкиным, что отдал ему из своей канцелярии все дела о Пугачеве, и Пушкин увез их с собой».⁶⁷ Подобный факт Н. В. Измайлов считает весьма вероятным, указывая, в частности, на доброжелательное отношение к поэту «всеми в Оренбурге губернатора В. А. Перовского, давшего и довольно близкого приятеля Пушкина». Н. В. Измайлов отмечает, что Пушкин мог взять не все 13 «пугачевских» книг, а лишь некоторые наиболее ценные из них, «в особенности книги 2, 3, 4, 5, 6, 7, обнимающие события от сентября 1773 года по май 1774 года», и это предположение может объяснить, по его мнению, известные слова Пушкина в статье 1836 г. о том, что он «прочел со вниманием... 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений и проч.». По мнению Н. В. Измайлова, «десять томов из этих восемнадцати составляли дела Военной коллегии, пять-шесть томов могли быть привезены из Оренбурга, остальные приходятся на иные сбор-

⁶⁵ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1227, лл. 1—37 об.; № 1228, лл. 1—4; № 1254, л. 1; № 1225, лл. 1—8 об.; № 1226, лл. 1—9 об.

⁶⁶ «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 1. М., 1938, стр. 7—10.

⁶⁷ П. Юдин. Памяти Пушкина. «Русский архив», 1899, № 5, стр. 138.

ники материалов (полученные от Д. Н. Бантыша-Каменского и пр.)».⁶⁸

Предположения Н. В. Измайлова о работе Пушкина над «пугачевскими» делами Оренбургского архива сначала в Оренбурге, а затем в Болдине и Петербурге имели бы основания лишь в том случае, если бы протокол допроса Кириллова, «Журнал Рейнсдорпа», а также «Журналы» Симонова и Мясоедова действительно находились среди документов фонда канцелярии Рейнсдорпа. Как в этом убедился и сам Н. В. Измайлов, просматривая дела этого фонда в ЦГАДА, упомянутых документов там не имеется. Следовательно, Пушкин своими ссылками ввел в заблуждение не только первых читателей «Истории Пугачева», но и последующих исследователей этой книги.

36 (Какими же архивами и архивными фондами пользовался Пушкин, конспектируя названные документы в своих «архивных тетрадях»?)

Как нам удалось установить, все эти документы были извлечены Пушкиным из «пугачевских» книг Секретной экспедиции Военной коллегии (из архивов Инспекторского департамента) в первой половине 1833 г., т. е. еще до поездки в Поволжье и Оренбург. В частности, показанный ясачного крестьянина Кириллова от 7 октября 1773 г. о захвате отрядами Пугачева Сакмарской слободы и Казанской галы под Оренбургом (IX, 622) находятся среди документов первой «пугачевской» книги Военной коллегии. Документ этот имеет явно неоренбургское происхождение, хотя бы потому, что допрос Кириллова производился не в Оренбурге, а в Казанской губернской канцелярии. Что касается «Журнала Рейнсдорпа», то, как указал Н. В. Измайлов, отдельные части этого журнала находятся среди документов второй, третьей и четвертой книг Военной коллегии.⁷¹

⁶⁸ Н. В. Измайлов. Ук. соч., стр. 453—454. — В составе 18 томов архивных документов, помимо 10 томов Секретной экспедиции, Пушкин, вероятно, включал четыре «суворовских» дела, а также рукописи, полученные от Г. И. Спасского, И. И. Лажечникова, Языковых, Д. Н. Бантыша-Каменского и др.

⁶⁹ В примечаниях к III гл. «Истории Пугачева» Пушкин ошибочно датирует допрос 6 октября (IX, 101).

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, кн. 1 (1230), лл. 49—50.

⁷¹ Там же, кн. 2 (1231), лл. 179—197; кн. 3 (1232), лл. 416—427; кн. 4 (1233), лл. 2—13, 75—98.

Пушкин, утверждая, что некоторые документы были извлечены им из Оренбургского архива, шел на вынужденный подлог, стремясь скрыть от Николая I и Бенкендорфа то обстоятельство, что он без их ведома получил доступ к секретным материалам архивов Военного министерства. К такому же приему он прибегал и в случае со ссылкой на Нижегородский архив, из которого он якобы взял рапорт курмышских инвалидов офицеров.

«Журнал Симонова» и «Журнал Мясоедова», отмеченные Н. В. Измайловым как документы, принадлежавшие Оренбургскому архиву, в действительности также находятся среди документов четвертой книги Военной коллегии.⁷²

Если Пушкин, как мы установили, не использовал документов Оренбургского архива, то естественно возникает вопрос: просматривал ли он «пугачевские» материалы этого архива в порядке беглого ознакомления с их содержанием? Нам думается, что такая возможность весьма вероятна. Н. В. Измайлов привел в своей статье отрывок из воспоминаний некоего казачьего офицера А. А. Щиголева, служившего в 1833 г. в Оренбурге («Оренбургские губернские ведомости», 1883, № 12). Щиголов рассказывал, в частности, что Пушкин просмотрел в архиве Пограничной комиссии 12 «пугачевских» дел. Н. В. Измайлов справедливо замечает, что содержащиеся в рассказе Щиголева сведения, «восходящие так или иначе к устойчивому в Оренбурге преданию», заслуживают внимания, поскольку в них содержится зерно истины, но что касается трех чиновников, занимавшихся для Пушкина переписыванием документов, то это «чистая выдумка: почти все известные нам материалы», вошедшие во вторую часть IX тома Большого академического издания сочинений поэта, «переписаны Пушкиным собственноручно, а немногие писарские копии сделаны, вероятно, в Петербурге»,⁷³ и в основном уже в 1835—1836 гг., добавим мы от себя. Занятия Пушкина в Оренбургском архиве ограничились, очевидно, беглым просмотром «пугачевских» книг. Наиболее ценные документы Оренбургского архива дублировали и дополняли материалы Военной коллегии (в частности, «Журнал Рейнсдорпа»), изученные и законспекти-

⁷² «Журнал Симонова» см.: ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, кн. 4 (1233), лл. 169—174; «Журнал Мясоедова» — там же, лл. 278—301 об.

⁷³ Н. В. Измайлов. Ук. соч., стр. 452.

тированные Пушкиным в Петербурге еще до поездки в Оренбург. Некоторые материалы, освещающие частные подробности борьбы с повстанческим движением, не могли заинтересовать его. Не исключено и то, что при спешном просмотре дел мимо внимания поэта могли пройти и более интересные источники. Кратковременность пребывания в Оренбурге не позволила Пушкину более внимательно изучить местный архив и извлечь из него некоторые ценные документы, которые он мог бы, наряду с рассказами очевидцев и местными фольклорными материалами, использовать при доработке «Истории Пугачева».⁷⁴

21 сентября 1833 г. Пушкин приехал в Уральск, где провел три дня. Тепло принятый уральскими казаками, Пушкин слушал и записывал местные предания о восстании 1773—1774 гг., об осаде Яицкого городка повстанцами; здесь он встретился со старожилами, хорошо помнившими Пугачева, его свадьбу с Устиньей Кузнецовой. Описывая свое пребывание в Уральске, поэт сообщал жене: «Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной» (XV, 83). Радужные и хлебосольные хозяева забыли, однако, показать Пушкину Уральский войсковой архив, хранивший ценное собрание документальных материалов об участии яицкого казачества в Пугачевском восстании.⁷⁵

⁷⁴ В бумагах Пушкина сохранилось письмо прапорщика К. А. Буха, служившего в 1835—1836 гг. в Оренбурге. Ознакомившись с «Историей Пугачева», он обратился в местный архив и поделился с Пушкиным итогами собственных архивных изысканий в письме от 9 октября 1835 г., где писал: «Я начал делать выписки из всего, что нашел любопытного в этом архиве, и после восьми месяцев усидчивой работы над двенадцатью толстыми фолиантами я в конце получил обзор их содержания, обнимающий историю Пугачева от его побега из Казани до битвы под Татищевой» (XVI, 55, 374—375). При этом Бух бесцеремонно предложил Пушкину составленные им конспекты за 500 рублей, а в своих позднейших воспоминаниях бездоказательно утверждал, что поэт «в местные архивы не заглядывал» («Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 1, стр. 9). Ср.: Н. В. Измайлов. Ук. соч., стр. 451.

⁷⁵ В 1900 г. в Уральском войсковом архиве работал В. Г. Короленко, собиравший материалы для исторической повести «Набеглый царь» из времен Пугачевского восстания. Писатель просмотрел здесь

29 сентября Пушкин возвратился в симбирскую вотчину Языковых, где застал поэта и его братьев, много рассказывал им о своей поездке, о встречах с современниками Пугачевского восстания. А. М. Языков в письме к брату однокашника Пушкина по Царскосельскому лицей В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 г. сообщал: «Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем. Он ездил собирать изустные и письменные известия о Пугачеве, историей времени которого будто бы теперь занимается».⁷⁶

1 октября 1833 г. Пушкин приехал в Болдино и прожил здесь до 9 ноября, приводя в порядок собранные материалы и завершая работу над «Историей Пугачева». Осенняя поездка 1833 г. в Поволжье и Оренбургский край, вопреки ожиданиям, была бедна по своим «архивным» результатам, но дала Пушкину обильный художественный материал, широко использованный им и в «Истории Пугачева», и в «Капитанской дочке». Пушкин общался с народом, который помнил и чтит Пугачева, как народного заступника, «мужицкого царя» освободителя. Он первый собрал воспоминания, рассказы и песни о Пугачеве и его времени, скопил богатый запас наблюдений над особенностями народной жизни и природы местного края, которые в виде характерных историко-бытовых деталей вошли в ткань его исторической и художественной прозы. Фольклорный материал, собранный Пушкиным в Поволжье и Оренбургском крае, позволил ему правильнее понять Пугачева и социальный смысл поднятого им народного восстания, помог во многом преодолеть официально-казенную оценку этих событий, отразившуюся в огромной массе документов, которые исходили из лагеря екатерининской администрации.⁷⁷

восемь больших дел по Пугачевскому бунту и сделал из них обширные выписки (В. Г. Короленко. Избранные письма, т. I. М., 1932, стр. 167, 174—176, 188). Интересный замысел В. Г. Короленко по ряду причин не был осуществлен. В настоящее время архивные конспекты писателя хранятся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

⁷⁶ Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине, стр. 537.

⁷⁷ Н. В. Измайлов. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». В кн.: Пушкин. Иссле-